

М. П. ПОГОДИН

ПОВЕСТИ
ДРАМА

Михаил Петрович Погодин

Сокольницкий сад

Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. II, с. 72–134, за подписью «З.» и датировано 1825 г.

Содержание

ПИСЬМО I От Б. Б. к С. С.	0005
ПИСЬМО II От того же к тому же.	0010
ПИСЬМО III От Луизы Винтер к ее подруге.	0018
ПИСЬМО IV От С. С. к Б. Б.	0024
ПИСЬМО V От Б. Б. к С. С.	0027
ПИСЬМО VI К Луизе от ее подруги.	0031
ПИСЬМО VII От Б. Б. к С. С.	0037
ПИСЬМО VIII От С. С. к Б. Б.	0040
ПИСЬМО IX От Б. Б. к С. С.	0042
ПИСЬМО X От Луизы к ее подруге.	0048
ПИСЬМО XI К Луизе от ее подруги.	0050
ПИСЬМО XII От Б. Б. к С. С.	0052
ПИСЬМО XIII От С. С. к Б. Б.	0056
ПИСЬМО XIV От Б. Б. к С. С.	0059
ПИСЬМО XV От Всеволода к его другу.	0064
ПИСЬМО XVI От Луизы к ее подруге.	0065
ПИСЬМО XVII К Луизе от ее подруги.	0069
ПИСЬМО XVIII От Б. Б. к С. С.	0071
ПИСЬМО XIX От Б. Б. к Луизе Винтер.	0072
ПИСЬМО XX От Луизы к Б. Б.	0073
ПИСЬМО XXI От Б. Б. к С. С.	0074

Михаил Петрович Погодин

Сокольницкий сад

ПИСЬМО I

От Б. Б. к С. С.

1825 г. Мая 4. Москва.

Вот уже и писать к тебе надобно, любезный мой Всеволод! Тебя нет со мною... Как не привык еще я к этому чувству! Как часто еще обманываюсь я и, думая, что ты в Москве, поджидаю друга на вечерок к себе, готовлюсь сообщить ему какую-нибудь новую мысль, которая проблеснет иногда в голове моей, — показать замечательное место в писателе, которое мы пропускали прежде, — поговорить о том о сем, о добре, о зле, о святом просвещении, об отечестве, которое бывало всегда любимым предметом наших разговоров. Жду — а друга нет как нет, и я принужден бываю опомниться; — это случается всегда с грустию — как будто бы всякий раз ты уезжал от меня. Но — делать нечего. Живи не так, как хочется, а как Бог велит, говорит половица: и я постараюсь — пока забыть, что переписываться не то, что разговаривать. — Вот тебе первое письмо мое с известием, что

со мною случилось примечательного после твоего отъезда.

Ты знаешь уже, что нынешний год был для меня высокосный, везде поперек. После тебя даже случилось много неприятностей, и недавно самые добрые мои намерения растолковали в дурную сторону, растолковали люди, несправедливости коих я не замечал в других случаях. Для меня было это очень горько, вдвое горько, потому, может быть, что некому было утешить, развеселить меня, и я вспомнил о тебе... В таком унылом расположении духа пошел я вчера прогуляться за Сухареvu башню, нарочно мимо твоего дома... В окошке мелькнул кто-то, не ты. Мне стало еще грустнее. Я пошел далее и неприметно очутился за заставою. — Ворочаться по прежней дороге мне не хотелось, я взял вправо к Сокольникам. Время было прекрасное. Солнце склонялось уже к западу, тихий майский ветерок навевал прохладу... листья на деревьях чуть шевелились... все вокруг меня было спокойно; — лишь только три пешехода, по другой стороне дороги торопившиеся в деревню к Николину дню, прерывали молчание,

заводя изредка песни, да издали чуть доносились звуки рожка, на коем играл пастух, гнавший свое стадо домой. И у меня прояснело на сердце; в хорошую погоду мне как-то совестно бывает грустить — и моя грусть рассеивается на чистом воздухе; — я стал готов принять всякое приятное впечатление. Обхожу крайнюю часть Сокольницкой роци и возвращаюсь потихоньку домой, дорожкой позади этого переулка, который, помнишь ты, одним концом примыкается к даче графа Ростопчина[1], другим к Сокольницкой роце и на лето заселяется московскими жителями, убегающими сюда от городской пыли и городской скуки. — Вдруг благоухание, неизъяснимо приятное, сладостное, слышу я в воздухе. Я останавливаюсь и вижу, что подошел к какому-то саду. Мне непременно захотелось, сам не знаю отчего, посмотреть на него. Калитка была отперта, и я, несмотря на свою боязливость и робость, отворяю ее и вхожу. Ах, другой! какие аллеи, роцицы, дорожки, цветники. С каким вкусом расположено все! По стороне, около решетчатого забора насажены липы, которые, сплетясь своими ветвями, состав-

вили такую плотную сень, что ни один солнечный луч сквозь нее проникнуть не может. По другой также аллея из душистой акации. В углу на высокой насыпи беседка с стеклянными дверями; другая, насупротив, открытая. Дорожки, крепко убитые, усыпанные песком, перепутаны дедалами и обсажены разными цветами; здесь розаны, там нарциссы, резеда, мирты; в середине большой цветник с тополевым деревом, около которого соединяются все дорожки. Близ него оканчивается также полукругом средняя крытая аллея, в коей стол и около него скамейки. — Между этою аллеєю и другой, из акации, о которой говорил я выше, сделано несколько гряд, со всех сторон закрытых, на коих растут разные огородные овощи. По забору, отделяющему сад от переулка, насажена малина. Кое-где виделись плодовые деревья. Словом сказать, здесь было все. И какая везде чистота! какой везде порядок! Казалось, каждое растение имело своего садовника; — я был очарован, сел невольно на скамейку и погрузился в задумчивость; — мечтал сладко. Опомнившись, подумал, что меня могут застать в саду, тот-

час встал и пошел к калитке. Не успеваю еще затворить за собою дверь, вдруг с противоположной стороны, от дома, входит в сад девушка, кажется, очень молодая, темно-русая, с синюю сеточкою на голове, в белом переднике, с лейкою в руке... но, может быть, я увижу ее опять... 6 часов. Прощай, я отправляюсь в Сокольники.

ПИСЬМО II

От того же к тому же.

М^{ая} 7.

Я увидел ее, я познакомился с нею, друг мой! Как она мила! Как она хороша! — Ты улыбаешься язвительно, — перестань же, Катон[2], и слушай, как это случилось. — В первом письме моем я не досказал тебе, что, затворяя калитку, я не успел ни поклониться входившей девушке, ни извиниться перед нею. — На другой день отправляюсь опять туда... иду задним переулком... сердце у меня билось, как будто бы я боялся чего-то, — вдруг слышу музыку: в саду играет кто-то на фортепиано, припевая тихим голосом известный романс Пушкина:

*Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?*

*Встречали ль вы в пустынной
тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замеча-
ли,
Иль тихий взор, исполненный
тоской,
Встречали ль вы?*

*Вздохнули ль вы, внимая тихий
глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз.
Вздохнули ль вы?*

Это она, она, подумал я... слушаю, едва переводя дыхание... чрез несколько минут перестают, затворяют, слышу, стеклянную дверь. По какому-то невольному движению я прямо к калитке, отворяю... она мне навстречу, и должна была остановиться.

— Я пришел нарочно, сударыня, попросить у вас извинения во вчерашней моей дерзости, — сказал я, поклонясь почтительно. — Сад ваш так понравился мне издали, что я никак не мог преодолеть желания осмотреть его

вблизи...

— И верно не заметили забору — это очень простительно, — отвечала она мне отрывисто, чуть-чуть наклонившись головою, и ушла скорыми шагами по средней дорожке.

Я не знаю, что хотела она сказать сими словами: упрекнуть ли меня в самом деле за нескромность или под видом упрека дать почувствовать, что мое явление было ей не неприятно. — Что ты об этом думаешь? — Как бы то ни было, любезный мой Всеволод, она прелестна собою. Это Галатя. В голубых глазах ее сколько кротости, добросердечия! А когда, уходя, взглянула она быстро на меня... сколько искр посыпалось из смиренных глаз! Они как будто зажглись. Волосы темно-русые густыми кудрями лежали в кучках на обоих висках. Маленький ротик, какой едва ли был и у Гебы[3]. Румянец во всю щеку. А голос, ах, какой голос! он так и льется в душу.

Толкуя с собой об ее ответе, я пошел в рощу и гулял там несколько времени. Между тем начинало смеркаться... небо обложилось тучами, и я не успел подойти к валу, как дож-

дик начал накрапывать... вхожу в переулок... дождь полил как из ведра... я шел — бежал, и только что миновал дом, в котором живет моя знакомая незнакомка, — как вдруг догоняет лакей из этого дома с приглашением от своего господина взойти и обсушиться. Ты можешь судить о моем приятном удивлении. Являюсь. В передней еще встречает меня почтенный старик лет шестидесяти.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Вас совсем измочило дождем. Сюда, сюда, к камину!

Любезный старик увидел меня из окошка и сжалился надо мною. Я рассыпался в извинениях и благодарениях.

— Луиза! вели приготовить нам чаю.

«Луиза, — повторил я себе на уме, — какое приятное имя!»

— Сейчас, дяденька! — раздался голос из соседней комнаты. Между тем мы уселись около камина, и начался разговор.

— Верно, у вас есть знакомые в нашей стороне?

— Я живу недалеке отсюда и всякий день почти хожу гулять в Сокольницкую рощу.

— Где вы служите?

— Там-то.

Таким образом, слово за слово, мы стали говорить о времени сперва физическом, потом политическом — я тотчас заметил, что старик мой, обруселый немец, суворовский майор, больше всего любит толковать об военных происшествиях, и стал слушать его с великим вниманием, а после в свою очередь прочел ему дюжину новейших реляций о сражениях турок с греками, о брандерах канариевых[4], о подвигах Боццариса[5], об американском Боливаре...[6] между тем поглядывал беспрестанно на дверь, думая про себя: да скоро ли же вы явитесь, мамзель Луиза? — Наконец мамзель Луиза явилась и сделала мне маленький книксен.

— Рекомендую вам свою племянницу, — сказал старик. Я поклонился почтительно, благодаря его про себя за излишний труд. — Подали чай — никогда я не пивал этого китайского нектара с таким удовольствием... но и надобно сказать тебе, что здесь все умножало удовольствие. — Не стану говорить о том, что прекрасная девушка сидела пред глаза-

ми, — нигде не видал я комнаты, убранной с такою простотой и вкусом. Пол из досток был так чист, как будто бы оклеен почтовою бумагою, замки на дверях, задвижки на рамах горели как жар; стекла в окончинах так прозрачны, что их не видать было; на стенах, оштукатуренных и выкрашенных бледною голубою краскою, развешаны были эстампы, представляющие лучшие виды швейцарские и италийские: пылающий Везувий, гробницу Virgiliеву, жилище Тассово в Соренто, аббатство Невстид, в коем провел юные лета свой великий Байрон и проч. — За чаем я осмелился отнестись к мамзель Луизе с некоторыми словами о Сокольницкой роще, о реке Яузе, о примечательных московских окрестностях и получил от нее ответы короткие, как будто застенчивые. Между тем мне хотелось больше всего уговорить старика так, чтоб он пригласил меня к себе и не в дождик, и удалось. Когда я стал откланиваться, благодаря за гостеприимство, мой майор сказал мне:

— Вы одолжите нас очень много, если, гуляя когда-нибудь поблизости, завернете по

дороге к нам; мы всегда почти дома. А мне всегда приятно будет потолковать с вами о бедных греках.

— Помилуйте, я почту за особенное счастье, если вы позволите мне пользоваться вашим знакомством.

— Итак, по рукам: в первое воскресенье вы у нас.

«И ближе, если угодно», — подумал я, откланиваясь, и пошел домой в полном удовольствии.

Что скажешь ты о моем приключении? Оно так странно, что мне самому кажется невероятным, и я почти не понимаю, как все это сделалось. — Как бы то ни было — такое знакомство, признайся, может быть очень приятно и полезно. — Не усладительно ли после недельных трудов, в коих напрягаются и устают все умственные способности, из-за фолиантов, при чтении коих так часто вянет воображение, от мертвого созерцания природы в книгах, где беспрестанно уделяешь, расточаешь, так сказать, собственную жизнь свою, — не усладительно ли, говорю, отдох-

нуть при виде природы живой и ее впечатлениями возратить потерянное, дополнить полученное. — Здесь есть еще множество других выгод, если можно употребить это экономическое слово. Красота, добро, истина — сии три великие идеи в начале своем суть одна и та же. Руссо еще сказал, хотя и мимоходом, мудрое, великое слово, что добро есть красота в действии[7]; и я совершенно уверен, что, погружаясь в одну какую-либо из сих идей, получишь под конец в награду сознание остальных, подобно, как по *одному* радиусу пришед к центру, очутившись в крайних точках *всех* радиусов вместе. — Художник, постигший красоту, чувствует в красоте истину и добро. Добродетельный, постигший добро, чувствует красоту и истину. Философ... но я зафилософствовался, друг мой, и ты смеешься.

В заключение скажу, что ты можешь теперь относиться ко мне смело, по крайней мере, за объяснением всего, чего не поймешь в Горации и Овидии. У меня есть теперь для сих писателей такой комментатор, какого не заменят тебе все Гроновии, Бурманны и Эрнесты[8] на свете.

ПИСЬМО III

От Луизы Винтер к ее подруге.

Мая 10.

Давно уже пора писать к тебе, моя добрая Катенька. Давно уж и собираюсь я, но разные хлопоты в продолжение целого месяца мешали мне приняться за перо. Теперь все кончено, и я говорю с тобою. Мы переехали в новый наш дом в Сокольниках, который дяденька позволил мне отделать по моему вкусу. Я опишу тебе... Но прежде всего хочется мне уведомить тебя об одном странном знакомстве, которое у нас завелось. — Четвертого дня, перед сумерками, иду я по обыкновению в сад поливать мои цветы, отворяю дверь и — вообрази себе мое удивление! — вижу, что заднею калиткою выходит из сада мужчина. — Я не успела рассмотреть черты его, заметила, впрочем, что он был высокого роста, молод, недурен собою, одет хорошо. «Кто такой? — подумала я. — И как сметь незнакомцу зайти в чужой сад?..» Подумала и

позабыла тотчас об этом призраке, поливая мои цветы. Но на другой день в саду он представился ненарочно опять моему воображению. Ты знаешь сама, Катенька, как случайно иногда приходит нам в голову всякая всячина, о которой мы совсем и не помышляем: помнишь ли, как хохотали мы однажды в нашем любезном Смольном монастыре[9], когда тебе приснилась целая гурьба тетушек и дядюшек — они еще к чему-то принуждали тебя, — хотя ты отроду их и не видывала. — Так точно и мне привиделся наяву незнакомец. — Надо сказать тебе, что мне весь тот день было скучно. — Я как будто чего-то дожидалась, разумеется, не его, принималась раз десять и за Томсона, и за Делиля, и за Раича[10], и десять раз откладывала книгу. — Села на скамейку: так было просторно; зачем нет тебя, подумала я. Подошла наконец к фортепиано, пропела один романс и со скуки отправилась домой. Лишь только поравнялась я с задней калиткой, вдруг она отворяется, из нее выходит — кто же? — Он — и, заставив почти дорогу, начинает извиняться перед мною в вчерашнем явлении, или, как говорил, невольной дерзо-

сти своей. — Я сначала было рассердилась, но он таким смиренным, таким безмолвным голосом просил извинения, что я не могла ему отвечать ничем обидным, сказала что-то вскользь и почти убежала. — Дядюшка занимался чтением, и мне не хотелось помешать ему рассказом о своем приключении. — Между тем пошел дождь, больше и больше, наконец проливной. Мой призрак-незнакомец — опять пред глазами: он шел по нашему переулку, кажется, из рощи.

Дядюшка увидел его из окошка. Ему жаль стало, что бедного совсем измочило дождем, и он выслал за ним человека с приглашением зайти и укрыться от дождя. — Я ушла в свою комнату. Приглашенный явился, и они, сев пред камином, начали разговаривать. Голос у него довольно приятный, он говорит умно и ловко. Между тем дядюшка велел подать чаю. Мне поневоле надобно было выйти из своего убежища. Я вышла. Незнакомец, теперь уже знакомый, поклонился мне, как будто не видал меня прежде. Мне нельзя было не отвечать ему тем же. За чаем он обращал несколько раз речь о московских окрестностях, видах.

Я отвечала ему сухо: надобно было ему дать почувствовать, что его явления были оскорбительны. Как ты об этом думаешь, Катенька? После, впрочем, я несколько раскаялась: не заключил бы он чего-нибудь дурного из моих односложных ответов. Но он будет у нас опять. Дядюшки приглашал его к себе. Я заметила даже, что ему было это очень приятно. Дядюшке он очень понравился: в самом деле, он так хорошо рассказывал ему о войне турок с греками, что даже я заслушалась. — Сказать тебе правду — я сама рада такому знакомству дядюшки. — Б., кажется, очень хорошо воспитан, много читал — с ним, может быть, приятно иногда будет провести время; притом у нас никогда никого не бывает. Правду сказать — я не охотница до большого света и больших знакомств, однако

*Все прискучится, как не с кем
молвить слова.[11]*

Но вот уже я намарала тебе целый лист. Это странно — всегда так случается: когда нечего писать или пишешь о вздоре, всегда напишешь много и легко; — а помнишь, бы-

вало, сколько труда нам стоило иногда в Смольном монастыре написать письмо, которое задавал нам учитель русской словесности? Меня в жар бросало от напряжения головы. — Ах, Катенька, вспомнишь ли ты это бесценное время? Прощай, душенька, Христос с тобою.

Р. S. Я позабыла описать тебе наш дом, а еще принялась за перо для этого. — Впрочем — лучше увидишь сама, как приедешь. Я скажу тебе только два слова о моем кабинете. Ты представить себе не можешь, как я люблю его. Туда никто никогда не ходит, кроме меня одной; — для меня очень приятна эта мысль; даже убираю всегда сама. Он не велик, но уютен. По стене стоит небольшой турецкий диванчик, обитый малиновою материею, на котором, в уголку, пригорюнясь или облокотясь на подушку, я люблю сидеть в сумерки, сидеть и мечтать. Пред диваном столик, на котором я пишу только то, что мне приятно писать. Налево библиотечка, еще очень бедная: у меня только Шиллер, кое-что из Байрона, Крылов, Карамзин, Дмитриев, Жуковский, мадам Сталь да «Чернец» Козлова. — Направо

бюро, в котором хранятся мои бумаги, письма и мой журнал[12]. — Над ним висит портрет лорда Байрона, — над диваном изображение Коринны с славной картины Жераровой![13] Вот и все сокровища. — Да — стул еще у окошка. —

*Все утвари простые,
Все рухляя скудель.
Скудель, — но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей.[14]*

Поверишь ли — я теперь еще перебирала и оглядела все до последней вещицы, и с таким удовольствием, как в первый раз.

ПИСЬМО IV

От С. С. к Б. Б.

Я получил два письма твои, от 4 и 10 мая. Тебя надо бранить за многое. Начну сначала. Ты все еще ребенок. Тоскуешь о разлуке! предоставь эту тоску сговоренным невестам. Мне стыдно даже быть твоим другом! на все должно быть готову. И что еще? Разлукою подкладываются новые дрова в огонь дружбы. Чувство освежается. Ум, сердце в другом мире. Свидание после — наслаждение новое, несравненное. Перестань же, слабый.

Дальше: тебя оскорбляют кривые толки! Есть простая пословица: на всякое чиханье не наздравствуешься. Всякому действию здесь первая награда в своей совести. — Извне — может быть и не быть. И Шиллер, не помню, где-то, оскорбел, что трудно найти человека, который бы понимал нас *совершенно*. Стремись же хоть под эпитафию Жуковского:

*Wer den Besten seiner Zeit genug
gethan,
Der hat gelebt fur alle Zeiten.[15]*

Наконец — о Сокольниках. И тень Шлёцера не явилась тебе с угрозою в этой проклятой калитке, за которую ты перешагнул с медным лбом своим! не загородила тебе дорогу — как у Камознса бурный дух мыса Доброй Надежды Васку де Гамо![16] — Так, я говорил правду. Я всегда боялся, что глупая твоя мечтательность не доведет тебя до добра. — Понять не могу, как мог я подружиться с тобою, при такой разности в характерах. Сбылось предчувствие; теперь начнется рассеянная, пустая жизнь, а кто знает, когда она кончится. Может быть, надолго, надолго прекратятся ученые твои занятия, от которых я ожидал столько.

Вспомни, что все умные люди, авторитеты, писали о женщинах: нет создания легкомысленнее, ветренее, непостояннее, вероломнее сих дочерей Еввы: они ведь, говорят, того и смотрят, чтоб обмануть нас, позабавиться над нами. А ты еще и подсмеиваешься, глупый: «У меня есть комментатор, которого не заменят тебе Гроновию!» — Смотри, брат, не забудь своей латыни при таком комментаторе.

Я оставил Москву, и этот безумный боль-

шой свет, не подписываюсь уже под записками «весь ваш», не раздаю себя встречным и поперечным и принадлежу теперь себе в деревне. — У меня здесь свой Рим: я беседую с Катонами, Цезарями, Цицеронами, сражаюсь среди легионов римских с варварами, дерзающими тревожить пределы Империи, творю суд и правду в судилище преторском[17], провожу вечера у Августа[18], в обществе Горация, Вергилия, Овидия. Блаженство!

Как он описывает свою Сирену! Как будто это та красота, которую звал на землю Платон для привлечения смертных на путь добродетели![19]

ПИСЬМО V

От Б. Б. к С. С.

«Такая красота, какую звал на землю Платон», — смеешься ты надо мною. Такая для меня, потому что мне такую кажется. — Все в нас, все в нашей душе, мой друг. Надобно найти только вне себя предмет, который развернул бы нашу идею, бросил искру в наш порох, и благо тому, кто найдет его. — Но это в сторону. — Скажи мне: с чего взял ты боязливые свои предположения? Как будто бы нельзя познакомиться с милою девушкою без того, чтоб не влюбиться в нее, без того, чтоб не сойти с ума от нее. Мне помнится: мы давно уже как-то разговаривали с тобою о дружбе, и я тогда еще обнаружил тебе желание найти какую-нибудь Юлию[20], которой мог бы поверить всю тайну своей жизни и вместе наслаждаться такою доверенностию с ее стороны. Такая дружба бывала всегда любимою игрушкою моего воображения. Я предполагал в ней какую-то особенную прелесть, которую можно только чувствовать, не выражать. У

меня записаны и некоторые другого рода мысли, мною тогда сказанные.

«Женщина есть сердце мужчины. — Как видим мы себя только в зеркале, так почти человек, говоря вообще без различия полов, видит сердце свое, чувствующую часть свою в женщине — в ней часть сия является во всей полноте своей и совершенстве. Итак, чтоб узнать человека, надобно узнать женщину. — Говоря индивидуально, тот не знает себя, не знает меры своего чувства, кто не любил когда-нибудь женщины. — Чувство наше, имея предмет женщину, делается нежнее, и я уверен, что если б можно было измерять по Реомюрову термометру любовь Тезея к Ариадне и Пиритю[21], то первая едва ли бы не взяла преимущество».

Наконец, с чем можно сравнить участие женское? — Нет, кажется, раны, которой бы оно не исцелило. А обращение с женщиною? — Различие полов, даже различие одежды, занятий, как мило действует на воображение! какую прелесть изливает на разговор!

В Луизе, мне кажется, я нашел такую женщину и буду стараться всеми силами заслу-

жить ее хорошее о себе мнение. Я теперь уже наслаждаюсь мыслию, как после дневных хлопот приду я к ней под вечерок, расскажу, что думал, делал, чувствовал, и слышу от нее то же. — Я был у них в прошедшее воскресенье, и провел время приятнейшим образом. — Ее сначала не было в комнате, мы долго говорили с дядюшкою. Наконец она явилась. — У меня нарочно принесены были в кармане гамбургские газеты, я тотчас их отдал старику, сказав, что он сам может увидеть подробности о рассказанном мною сражении, и оборотился к Луизе. Мы говорили о ее саде, о лучших садах в Москве, об искусстве, о природе. Она очень умна и остра. Между прочим, она сказала мне, улыбаясь: «Вы, кажется, соединяете в себе склонности, совсем противоположные: теперь вы так хвалите природу, что я почти надеюсь увидеть вас завтра в сельском огороде с заступом и лопаткою в руке; а когда вы говорите с дядюшкою о войне греческой, то я боюсь, что вы на другой день, с саблею в руке, с ружьем за плечами, влетите, как смерть, в ряды турецкие».

— Ах, нет, — отвечал я, — если я стану вое-

вать, так это для того, чтоб променять поскорее саблю на заступ и лопатку.

— Но далеко ли этот остров Ипсара от твердой земли? — спросил мой старик, кончив газеты и скидая очки.

— Извините, я не могу сказать вам этого наверное; но у меня есть подробнейшая карта нынешнего театра войны в Греции — если вам угодно, я...

— Ах, сделайте милость, доставьте, и поскорее, — сказал он, — коли можете: у меня есть еще пять-шесть сомнительных мест, которых я не мог приискать в своем атласе. Мы поищем вместе: сим объяснится для меня многое темное. Нельзя ли вам отобедать к нам завтра?

— С большим удовольствием.

Каково идут дела мои, Всеволод! Скоро мы познакомимся так, как мне хочется. — Прощай и не бойся ничего. Я столько же восхищаюсь Шлёцером, столько же читаю Тацита [22] и Мюллера [23], столько же думаю о системе географии и статистики, как и прежде. Чего ж тебе больше, недовольный?

ПИСЬМО VI

К Луизе от ее подруги.

Поздравляю, ma chere amie[24], любезного моего незнакомца. Первое впечатление, им произведенное, очень удачно, удачнее, нежели сам он думает, удачнее, нежели и ваша милость полагает; — а это уж слишком много, по моему мнению, в этом случае я совсем не согласна с ленивыми китайцами. Они говорят, что в десяти шагах девять — половина: нет — кто раз хорошо ступил, кто ногу лишь занес на шаг, тот уже половину, тот уже больше половины дороги прошел. Применяя свое правило к твоему положению, я предвещаю, что ты будешь любить, да-да, любить своего Вертера, и в этом я клянусь тебе всеми настоящими, прошедшими и будущими Шарлотами[25] на свете. Хочешь ли доказательств? Они в письме твоем. Станем разбирать его. Ах, смиренница! Ну, правду говорит моя матушка, что в тихом омуте всегда черти водятся. — Слушай, я буду уличать тебя.

Ты целые два месяца не писала ко мне для того, чтоб сделать сюрприз описанием своего дома, наконец начинаешь письмо, и что же? О чем пишешь ты? — О твоём знакомстве. А описание, очень сокращенное, отложено в *Postscriptum*, описание, которое должно быть главным предметом твоего письма (говорят, впрочем, что в письме девушки главное есть *Postscriptum*; но здесь вышло наоборот). Вот обвинение против тебя! Ты предчувствовала его и думала оправдаться своею декламациею: «Это странно! Всегда так случается: когда нечего писать или пишешь о вздоре, всегда напишешь много и легко». Мы понимаем этот вздор, голубушка; нас не проведешь.

Далее в первую минуту ты успела рассмотреть незнакомца, каков он собою, как одет. Это еще ничего не значит, и случается обыкновенно *avec nous autres*[26]. Я замечу только, что Вертер понравился тебе с первого взгляда, а этот первый взгляд бывает иногда решителен. Минута всему повелитель, говорит Шиллер[27]. — Но зачем не велела ты запереть калитки на другой день? — Ты видела ведь, что она опять была отперта. Ты скажешь, нет. Но

для чего не посмотрела ты? Для того, чтоб бес-совестью сохранить свою совесть: ты сказала себе, или тебе так сказалося, а ты будто не слыхала: «Если я посмотрю на калитку и увижу, что она не заперта, — то мне нельзя будет не запереть ее; итак, лучше не смотреть. А то, может быть, придет». — Так ли?

Потом: «Я тотчас позабыла об этом призраке, поливая мои цветы; но на другой день в саду он не нарочно представился опять в моем воображении. Ты знаешь сама, как случайно приходят нам в голову всякая всячина и проч.». Здесь надобно взять несколько повыше. Письмо писала ты на пятый день после первого свидания, после того, как ты уже видела и слышала своего незнакомца, когда уже составилось об нем полное понятие у тебя и в голове, и в сердце. У тебя перемешалось чувство 10-го числа с чувством 4-го числа, и вот почему начала ты оправдываться в своих видениях, которые 4-го числа не имели никакого значения, были невинны. Тебя обвиняет твое оправдание, напоминая одну пословицу.

Далее, что за выражение: «Я чего-то дожидалась, разумеется, не его». Но кто же говорил

тебе об нем? «На лавке было просторно». Ха, ха, ха! Кого же недоставало? меня? Благодарю за честь и с удовольствием уступлю ее кому нужно. Я расхохоталась на полчаса, прочитав об этом просторе, и уверена, что ты вымарала бы это место из своего письма, если бы прочла в другой раз. Но ты, верно, по-моему: я всегда спешу отправлять письма, и никак не могу их перечитывать; потому-то часто и напутываю на себя бог знает что.

Что ты не рассказывала дядюшке о втором своем свидании, потому что он был занят, я тебе верю, — но поверь и ты, что ты в свою очередь рада была случаю пока не рассказывать ему.

Незнакомец явился у вас в комнате, и ты тотчас заметила, что он говорит ловко и умно. Хорошо, но зачем хочешь ты опять оправдываться, если ты не виновата? «Мне поневоле надобно было выйти» — а по воле ты не вышла бы? «Мне нельзя было не поклониться ему».

Наконец ты и боишься, что он заключит что-нибудь дурное из твоих односложных ответов. К чему эта боязнь? Если бы от его за-

ключения тебе было ни тепло ни холодно, то верно ты не стала бы думать о нем.

Что скажете теперь, любезная моя Луиза? Поверьте мое письмо по вашим чувствованиям, и вы увидите, правду ли я вам сказала. Между тем прошу вас быть чистосердечною по-прежнему: опишите мне два-три свидания, и я лучше всякой цыганки, не смотря на ваши руки, скажу вам — что вы думаете? — когда быть вашей свадьбе.

Впрочем, не шутя, знакомство твое началось очень странно, и, право, здесь есть что-нибудь кроме случая. Мое воображение таким настроилось, что я сама нарочно всякий вечер гуляю в тетушкином саду и поджидаю, не покажется ли кто-нибудь из-за калитки, но — не тут-то было. Да, правду сказать, и сад у тетушки! Огород огородам: картофель, морковь, капуста, крыжовник, смородина — силы нет, как досадно и писать. Вообрази себе, что нет ни одной дорожки; все заросли травюю с тех пор, как тетушка вдовствует, то есть почти с московского мора. — Мое житье здесь очень скучно, и если бы не книги, то я сошла бы с ума. — Из соседей был у нас один старик

с своим сыном, но он смотрит таким Сенекою
[28]. — Прощай.

ПИСЬМО VII

От Б. Б. к С. С.

Июня...

Поздравь меня — я бываю очень часто у сокольницких моих знакомых: почти на всякой неделе по два раза. Старик полюбил меня как родного, и никогда не наговорится со мною. Всякий раз я приношу ему новые военные книги: то Жомени, то Ерцгерцога Карла[29], то Наполеона — но более всего любит он отечественные произведения. Ты представить себе не можешь, сколько удовольствия доставила ему книга Давыдова о партизанском действии[30]. «Так! так! бесподобно! иначе нельзя! браво!» — восклицал он на каждой странице. «Вы открыли новый свет», — твердит он мне беспрестанно. — Надобно, впрочем, сказать и то, что я скорее всякого телеграфа сообщаю ему известия о военных происшествиях нашего времени и сам до такой степени посвятился в таинства Марсовы, что могу выдержать испытание с любым прапорщиком. — Г. Винтер предобрый и ис-

тинно военный человек. В свое время он, кажется, готов был драться с целым светом, गयाлся за смертью и жалел, что не мог поймать ее. Прежде он воевал для войны и был воином, как бывают поэтами, безусловно. Теперь смотрит на войну с другой точки зрения, старается к каждому своему походу приискать благовидные предлоги: там сражался он, мстя за оскорбленную честь отечества, здесь должно было восстановить порядок в бунтующем государстве, помочь соседу и проч. — И как легко всегда отличить человека, который привязан к своему ремеслу! У него глаза разгораются, он весь выходит из себя, когда читает или слушает о каком-нибудь важном сражении. С какою досадою смотрит он тогда на свою шпагу, которая ржавеет в углу. — С неделю тому назад я погрузил его в великую задумчивость известием об изобретении Перкинсом паровых ружей и пушек[31]. Он беспрестанно думает о переменах в военном искусстве, которые произведет сие изобретение, и с горестию, кажется, видит вдали то время, в которое сим противоядием яд лишится своей силы и европейцы оботрут кровь с штыков

своих. Весь свой досуг употребляет он на садоводство и чтение, не пропуская, однако ж, ни одного утра без того, чтоб не полюбоваться солдатским ученьем на Сокольницком поле. — Домашнее хозяйство зависит от его племянницы, с которою я тебя познакомлю короче в следующем письме. — Пока скажу тебе, что я часто гуляю с нею по саду. Она поручает мне разные покупки в городе и всегда бывает довольна моими исполнениями. Мы учимся вместе с нею по-италиянски. Я на днях воспламенил ее воображение Ариостом[32] и Дантом и предложил ей заниматься сим языком. Сначала милая девушка отвечала мне сомнительно, но на другой день — верно, спрося у своего дяди — изъявила свое согласие. В успехе ты можешь быть уверен: с такою другою и Адамову языку выучиться не мудрено! — И я тотчас переведу тебе Историю Макиавеля[33]. Видишь ли ты, сколько пользы извлекаю я из моего знакомства. Вот и еще немаловажная. Я не получал от тебя писем целый месяц и не сержусь — по крайней мере не выговариваю тебе за твою преступную лень. Не добрее ли я стал?

ПИСЬМО VIII

От С. С. к Б. Б.

Добрее? Ты стал беспечнее, хуже. — Досуд ли тебе думать о переписке с другом, запыленным в хламе протекшего времени; ты так занят, учишься языку Адамову — тому, которым заговорил несчастный прародитель, вкусивши запрещенного плода, — и, признаться, успехи не на шутку. Ты ослепился уж до такой степени, что говоришь нелепости. «Любовью мысли зреют». Я презираю того, у кого мысли не могут созреть без этого красного солнышка. «Женщина есть сердце мужчины и пр.». Вздор! Наполеон сказал: сердце мужчины должно быть в голове его[34], и вот мое правило. Словом, ты погибаешь: книги у тебя позабываются, мысли разбредаются, чистый огонь гаснет, высокая цель закрывается, и мне приходится петь панихиду по живом мертвецe. Я хотел грянуть грозною речью на тебя, но благодари или, если еще есть в тебе капля здравого смысла, брани случай, который разогнал желчь, скопившуюся на тебя в

моем сердце.

Напиши хоть мне, что ты сделал с того времени, как мы расстались. Не найду ли здесь какого-нибудь утешения?

Как я благодарю бога, что сотворил меня таким, как есмь! Вчера я играл в шахматы с соседом. Злой игрок! он взял у меня слона и ферзь и был уверен в победе. Что же? Я доказал ему, что могу действовать без помощи дам и дураков, и задал ему мат в два хода.

Еще скажу тебе слово дружеское, убедительное: опомнись. Любовь, которой древние не знали, тебя одолевает. Говорят ведь, что эта проклятая страсть, как угар, вбирается в голову неприметно. Неужели поприще твое окончится близ передних ворот, в проклятой калитке?

Ты на краю пропасти. Голова у тебя кружится. Один какой-нибудь поцелуй, и ты — полетел стремглав. — Где будет мне искать тебя?

ПИСЬМО IX

От Б. Б. к С. С.

Ты делаешься ужасным реалистом, Всеволод! Неужели ты думаешь, что поцелуй может прибавить что-нибудь к чувству, имеющему духовное основание? — И что такое поцелуй? — Какое-то прикосновение губ, которое не имеет никакого значения. Я не понимаю, почему люди приписывают ему такую силу, почему поэты набредили о нем столько. Ты требуешь от меня отчета в моем времени; но, несмотря на твои запрещения, опишу тебе образ жизни мамзель Винтер. В самом деле, я хочу доказать тебе, что Луиза есть девушка отличная, достойная всякого уважения и что знакомство с нею не может принести мне ничего, кроме пользы, развернет мои способности и сделает меня более достойным дружбы угрюмого моего Всеволода.

Луиза встает очень рано, часов в 5, и после купанья и небольшой прогулки в саду занимается целое утро хозяйством, в кухне, в погребе, в кладовой. — В полдень садится она за

письменный свой столик. Мне кажется, она переводит что-то из г-жи Сталь, и едва ли не Коринну[35]. Никак не хочет она показывать мне своих переводов. Я просил, молил ее, ничто не помогает: мне очень хочется увериться поскорее, что она хорошо пишет по-русски. — Она также ведет свой дневник и недавно показывала мне издали три большие тетради. Иногда она рисует, или играет на фортепиано. В час они обедают. — После обеда работает в саду или принимается за иголку, нижет бисером чубуки, кошельки, все еще, увы! для своего дядюшки, или работает что-либо другое. На ней ты не увидишь никогда чужой работы; она сама кроит и шьет себе платье, вышивает косынки, даже вяжет чулки. — В пять часов начинается у нее чтение, и я с некоторого времени не пропускаю уже ни одного вечера без того, чтоб не участвовать в этом чтении. — Сказать тебе правду, любезный друг, я имею удивительную симпатию с нею. Что ей нравится, то и мне нравится. Одни чувства, одни мысли рождаются у нас при чтении. — Расскажу тебе маловажный пример. Вчера читали мы у Карамзина о свиданиях его с раз-

ными писателями[36]. Дело дошло до Лафатера. Когда я прочитал, что Лафатер не только не скучал бесчисленными посещениями иностранцев, но еще находил в них удовольствие, то мы оба улыбнулись, и глаза наши невольно встретились. На них написана была одна мысль, которую выговаривала она: «Это очень натурально: на всяком новом лице он делал новое наблюдение для своей науки». Эти простые слова произвели во мне, поверишь ли, какое-то сотрясение. «Das hat in mir eine Erschutterung gemacht»[37], как говорит наша прекрасная докторша. — Луиза — премная, премилая девушка. Какие прекрасные познания имеет она! Вкус такой, который бы доставил честь лучшему ученику Мерзлякова [38].

Скоро будет ее рождение, и я не могу придумать еще, что подарить ей. Мне хочется выбрать, что бы напоминало ей именно меня, чего не мог бы подарить никто другой. — Да, я позабыл еще сказать тебе о ее других талантах. Она рисует прелестно. Теперь оканчивает она «Божественную Марию» Карла Дольче [39]. Какая выразительная покорность, само-

отвержение в глазах Святой Девы! Кажется, слышишь, чувствуешь сие великое слово, неслыханное от сотворения мира, по счастливому выражению Филарета[40]: «Буди мне по глаголу твоему»[41]. — По целому часу я сижу иногда пред сею картиною и наслаждаюсь. О, искусства изящные! Вы показываете человеку святая святых в душе его, и блажен человек, который вами может проникнуть в оные. Мне кажется, что Луиза смотрит на меня иногда с большим участием. — Я люблю ее, но не так, как ты думаешь. Теперь скажу тебе несколько слов об ее пении: голос у нее блестящий, и такой приятный, что я заслушиваюсь ее. Недавно я упросил ее пропеть некоторые песни Маруси из «Козака Стихотворца» [42] — и сколько трудов и козней мне это стоило! Я начал — с чего бы ты думал? С Полтавского сражения, рассказал г-ну Винтеру некоторые подробности, потом свел разговор на Мазепу, потом на Климовского[43], наконец на князя Шаховского и, оборотясь к Луизе, предложил ей пропеть... Она было начала отговариваться, но старик (чувствовал ли он, чему был одолжен Полтавскими подробно-

стями) приказал, и она запела. Ах, Всеволод, зачем пела она? Я наказан за свои хитрости. Слова:

*Не хочу я ничего,
Только тебе одного;
Ты будь здоров, мий миленький,
А все пропадай*

теперь еще раздаются в ушах моих. Я но-
чей шесть сряду видел ее во сне, и даже ре-
шился было — каково мое благоразумие? —
не ходить дня два в Сокольники, чтоб рассе-
ять как-нибудь картины, составлявшиеся в
моем воображении... Но что они заключат о
таком отсутствии, подумал я, и что мне будет
сказать им в оправдание? Лгать пред Луизою
я не могу, как пред истиною. — Я пошел
опять. Кончил ли ты свое рассуждение о рим-
ском красноречии? Почему не пишешь ты
мне ни слова об нем? — Она смотрит на меня
иногда очень ласково, и я уверен — да! я уве-
рен, что она питает ко мне дружбу; дружбу!
Ах, Всеволод, дружба ее доставляет наслажде-
ние моему уму и сердцу.

Получил ли ты Санкциеву Минерву?[44]
Какого мнения ты об ней? Прощай! Я иду к

моей Венере.

ПИСЬМО X

От Луизы к ее подруге.

Ты с ума сошла, Катенька. Мне стыдно было даже читать письмо твое, не только что поверять свои чувствования по твоим догадкам. — Из одного свидания, почти немого, ты сплела целый роман. — Шалунья! не позабудь, что мне уже осьмнадцать лет и что я всегда славилась своим благоразумием. — Не боясь твоей диалектики, скажу тебе, что Б. Б. бывает у нас почти всякий день, что я всегда с удовольствием вижу его и люблю с ним разговаривать. Он прекрасный молодой человек с высокими мыслями, с живым, пламенным чувством ко всему доброму, изящному и истинному, с познаниями основательными и разнообразными. Разговор с ним приятен и поучителен. Я чувствую к нему сердечное расположение — и только. Бред твой объясняется мною вот как: Байрон говорит к Шильонскому узнику, что только в глубине темницы, с цепью на руке вполне чувствуется свобода [45]: так точно у тебя в захолустье живее иг-

рает твоё веселое воображение, и ты на просторе строишь воздушные замки. Строй, мой друг, строй сколько хочешь и как хочешь, только с одним условием. Ты понимаешь его. Прости дружбе, что я напоминаю об нём. — Это строение займет с приятностию досуги, коих у тебя вдоволь, а мне очень приятно будет смотреть издали на твои хлопоты и пошутить над тобою, когда твои замки... Но вот идет наш гость. Он обещался принести мне отрывки из «Цыган» Пушкина[46]. Мне хочется прочесть их поскорее. Прощай.

ПИСЬМО XI

К Луизе от ее подруги.

«А мне очень приятно будет пошутить над тобою, когда твои замки...» Ну что же — разрушатся, что ли? Ты видишь, что это слово даже и не написалось. И не напишется, и не сбудется. Он, как в руку сон, пришел и придет опять, и останется, и замок мой устроится. — Но шутки в сторону: я виновата, Луиза, что привела в краску твою скромность последним своим болтаньем. — Мне самой стало совестно, когда я вспомнила об нем через день после отправления письма на почту. — Будь уверена, что я очень живо помню наставления, кои мы получили с тобою вместе, и на деле никогда, авось бог даст, не буду иметь причины краснеть при воспоминании об оных. Языком же, что делать? — я грешу иногда, даже часто, а после раскаянье. Впрочем, я стараюсь исправиться. С этой же минуты ты никогда не услышишь от меня ничего об нем, разве сама когда вызовешь каким-нибудь нечаянным признанием, разве... Но, ей-богу,

силы нет, опять вздор идет в голову. Так не хочу же теперь писать ничего. — Удивляйся моей решительности, удивляйся тем более, что у меня теперь так и шевелятся руки и язык. Скорее запечатаю письмо.

ПИСЬМО XII

От Б. Б. к С. С.

Через месяц.

Скоро, мой друг, ты получишь от меня рассуждение о пределах географии. Долго думал я об ней, и недавно только блеснула в голове моей мысль простая и ясная, которая послужит основанием. Я прыгал как ребенок, как Архимед. Между тем мне кажется, я давно уже не водил тебя в мои почти родные Сокольники. Я привыкаю к Луизе. Нет, здесь нейдет «привыкать», слово физическое. — Я... но мне не приходит в голову другое приличное выражение. — Поверишь ли, что тот день я, кажется, пропускаю, не живу в жизни моей, в который не вижу ее? — С какою радостью, кончив поутру дела свои, отобедав дома с своею старою няней, отправляюсь я к ней! — Вошел, увидел ее — и блаженствую. Я переселяюсь в другой мир, дышу другим воздухом, легким, благодатным. Какие-то новые, приятные чувства во мне волнуются. Все предметы приближаются ко мне с дружбою. Ею, как светом,

я вижу их, люблю их. Ах, как она мила, Всеволод! Сколько поступков узнал я стороною, в которых добрая, высокая душа ее является во всем блеске и величии, к которым никто, кроме ангелов, казалось мне, не может быть способен — и между тем она молчит об них. — Она восхищает меня более и более. — Вчера читали мы «Вадима» Жуковского[47]:

— Блажен, — сказал я, — блажен тот, кому слышится ясно в душе его звонок.

— Вам слышится звонок? — спросила она меня, улыбаясь.

— Ваш голос служит мне звонком.

— Нет, без комплиментов, скажите, вам часто слышится звонок?

— Какой?

— Разве есть много их?

— Нет — один, но у нас разные уши, иногда мы слышим сердцем, иногда умом, иногда...

— Вы запутываете вопрос, но я не отстану от вас без ясного ответа. Вы слышите умом?

— Не знаю, я не могу различить еще.

— Здесь нельзя не знать, не скромничайте,

да — или нет — умом?

— Да: у меня ум теперь в сердце.

Ах, Всеволод, женщина есть прекраснейшее творение в природе! — Я думаю часто, как мужчины к ним неблагодарны; как странно, несправедливо раздаются венцы лавровые. Женщинам, то есть их внушениям, посредственным и непосредственным, принадлежит, скажу смело, большая часть прекрасного, которым мы обладаем в произведениях искусств изящных, и, между тем кто произносит имя Лауры, Элизы Драпер, Фанни, мисс Чаворт, Элеоноры с таким благоговением, с каким произносят имена Петрарки, Стерна, Клопштока, Байрона, Тасса?[48] — Здесь есть еще другой варварский предрассудок: рассуждают о каких-то личных их недостатках, заблуждениях, как будто бы они что-нибудь значили в общем итоге. Всего досаднее бывает мне за Элеонору. Все жалуются на нее, что она не чувствовала любви Тассовой, не умела ценить ее, оставляла его в горести и пр. — Согласен я, но она внушила «Освобожденный Иерусалим», и какое лучшее право иметь ей на бессмертие? — Все прочее — ме-

лочь, которую человек с чувством должен оставить без внимания, мелочь, неразлучная пока с скудельным составом человеческим. То же думаю и вообще о великих людях. Как сметь, например, видя «Мадонну» и «Светлое преображение», думать и говорить о какой-то невоздержности Рафаелевой? Прочь, мысль недостойная! Я взираю на душу великого мужа в лучшие минуты ее деятельности и, благоговей пред ними, на все прочие накидываю покров забвения. Я взираю на душу, а не на людей. — Прощай, Всеволод! устал.

P. S. Мне вздумалось перечитать письмо свое, и я чувствую, что чего-то не досказал тебе, как будто бы что-то лежит у меня на сердце. Что такое?

ПИСЬМО XIII

От С. С. к Б. Б.

Кого ты вздумал морочить? Я давно уже предсказал тебе то, чего ты так хитро не договорил в письме своем. Ты влюбился, то есть ты погиб. Теперь нечего советовать тебе, не о чем просить. С слепыми ли рассуждать о цветах? Все кончено. Письма твои отныне я буду принимать только к сведению, сам писать — *ex officio*[49], хладнокровно, как о предмете постороннем, как о мыслях в новой книге.

Что нагородил ты мне о женщинах? Елеонора внушала «Освобожденный Иерусалим», и вот право на бессмертие!! Безумец! поэтому и яблоко Невтоново бессмертно! — Ты видишь только то, что внушили женщины доброго — но сколько великих людей погибло для человеческого рода от их пагубного влияния добычею ревности или других еще постыднейших чувствований! Вздорные страсти, расчеты, хитрости, предубеждения, сплетни, словом, все в нашей природе, — не

от сих ли страшных исчадий? — Счастливы древние! они ценили их как надо, и за то без помех могли предаваться своей высокой, общественной жизни. — К чему приплел ты еще выходку о Рафаеле? Мне смешно ведь читать, как ты мечешься из угла в угол. — Нет ни связи, ни последовательности, ни заключений. Бедная логика! — Между прочим, пришли скорее рассуждение о пределах географии. Да полно, есть ли оно? Где тебе!!

Я, я живу по-прежнему; тверд как алмаз и безопаснее еще Ахиллеса. Впрочем, и я познакомился с одною девушкою, дочерью соседки, к которой возил меня батюшка. — Вчера мы были вместе с нею на обеде у моего опекуна. Недурна собою и неглупа. Ты влюбился бы в нее тотчас. В нашем уезде все восхищаются ею. — Мне понравилось только какое-то выражение холодности, даже гордости в глазах ее. За столом случилось мне сидеть с нею рядом, язык мой как-то разболтался и не умолкал. Впрочем, я дал ей заметить под конец, что это случилось без намерения: подали малагу; она к чему-то сказала мне, что любит это вино, потому что оно сладко. «А я так по-

тому, что от него опьянеть нельзя». Каков? —
Продолжай писать ко мне: мне все ведь приятно узнавать, что с тобою делается.

ПИСЬМО XIV От Б. Б. к С. С.

Вчера был день рождения Луизы. — Ты знаешь, я долго не решался, что подарить ей; то казалось не кстати, другое слишком обыкновенно и проч. Наконец решился было я написать аллегорическую повесть, в коей она играла бы главную роль, посвятить ей, — но побоялся проговориться без намерения, побоялся, чтоб не заключили чего-нибудь в дурную сторону и решился — как ты думаешь — перевести для нее Шиллерова Валленштейна [50], в котором она восхищается ролею Теклы. С каким удовольствием принялся я за работу и какое удовольствие работа мне доставила. Каждое явление, каждый монолог отзывался в душе моей, я предчувствовал все, что говорили Макс, Текла, Шиллер. Мысль, что мой труд будет приятен этой несравненной девушке, которую я люблю более всего на свете, что она, читая его, будет думать обо мне, одушевляла меня — я ночи не спал, и через две недели трагедия была готова. Нет — никогда,

никогда не позабуду я этого блаженного времени, и если бы я во всю жизнь свою получил от Луизы только это вдохновение, и тогда осталась бы она незабвенною для моего сердца. Буду ли я опять когда-нибудь так счастлив? Оставалось три дня. Я сшил тетрадь из голландской бумаги и начал переписывать с таким тщанием, с каким от роду не писал ничего. Каждую строку отделявал как артист. Наконец наступило 25 августа. Я отправился в Сокольники и так боялся — сам не понимаю чего — что даже сердце у меня билось. — Меня встретила именинница... Я подошел к ней... и тут не помню уже, что было со мной, как отдал тетрадь свою и что сказал ей — даже что она отвечала мне. — И так об утре я не могу написать тебе ни слова. Помню только, что к этому времени принадлежит один взгляд ее... взгляд, который останется навек в душе моей. О, если бы так взглянуло на меня Провидение! Теперь при одном воспоминании об оном какая-то райская благодать по мне разливается. — Ангел! небесный ангел! благословляю тебя, благословляю минуту, в которую я видел тебя на земле! За обедом я

сидел подле нее: на ней было клетчатое серенькое платье из холстинки. — И вот что странно! Платье это мне не нравится, очень грубого цвета, но так пристало к ней, так... я не знаю что-то... что она мне еще милее показалась в нем. Белая косынка кисейная чуть лежала на шее. Средний конец был подправлен сзади под пояс, два остальные зашпилены на груди бриллиантовою булавкою. — Волосы, незавитые, были соединены с косою под черепаховым гребнем. — Гостей сидело за столом человек десять, и между прочим, какой-то полковник, увешанный орденами, старинный сослуживец ее дяди, с сыном, молодым человеком лет в двадцать. — Ей почти не удалось говорить со мною. — Пили за здоровье. «Поздравляю вас, будьте счастливы!» — сказал я ей вслух и подумал про себя: «Ты сама счастье». — После обеда все гуляли в саду. Она улучила как-то свободную минуту, когда нас не слышал никто, и сказала мне:

— Я всегда проводила этот день с удовольствием, но никогда не проводила с таким удовольствием, как ныне, и им я обязана вам. Еще раз благодарю вас.

— Дай бог, чтоб всякий год увеличивалось ваше удовольствие, — отвечал я.

— Это уже слишком много, — а вы разве всякий год будете переводить мне по Валленштейну?

— Даже писать, если это приятно вам.

— Честное слово?

— И слово, и дело!

— Ударимте по рукам. — А мне что пожелать вам?

— Мне не желайте ничего. Я уже счастлив мыслию...

— Луиза! — тут закричал г. Винтер, — послушай, Луиза! покажи нам свою беседку.

— Там не убрано, дяденька, извините...

— Что за вздор! Там хорошо и без уборки...

— Но у меня нет ключа.

— Сходи за ним.

Она пошла как будто нехотя, и я не понимал отчего. Возвращается... идем... вхожу и я, и что же попало мне прежде всего на глаза? Моя тетрадь, обвернутая в чистую бумагу и разложенная на последней сцене... на конце было написано что-то, как я увидел издали. — Я отворотился в сторону и стал смотреть на

портрет Дмитриева, нарочно для того, чтоб дать ей время прибрать тетрадь. Мы пили чай в беседке. Впрочем, мне как-то неловко было при чужих людях. Она заметила это и спросила меня о причине. Я сказал, что лучше люблю быть с нею сам-дру... сам-третей.

— У вас мой вкус, — отвечала она мне, улыбаясь, — я также не люблю общества.

— Позвольте же мне отпраздновать нынешний день послезавтра у вас; в воскресенье, — сказал я, — вы будете одни?

— Приходите, приходите, буду дожидаться вас.

Я взял шляпу и ушел потихоньку.

ПИСЬМО XV

От Всеволода к его другу.

Мeurs Cesar![51] Женись на Луизе. Я случайно узнал много подробностей в ее пользу (она подруга моей новой знакомки), читал многие ее письма и признаюсь, они мне очень понравились: ясны, правильны, умны. Нигде не страдает ни грамматика, ни логика; есть даже ученые термины. Долго думал я вообще о браке. Правду сказать: почему и не так? ведь и Шлёцер, и Гердер, и Герен[52] были женаты. Можно работать и при жене. — Однако — все как-то мудро мне кажется! Жена! Дети! — Нельзя не рассмеяться! Я вообразить себе этого не умею. — Так и быть. Я благословляю тебя и жду ответа.

ПИСЬМО XVI

От Луизы к ее подруге.

Благодарю тебя за поздравление, добрая моя Катенька, благодарю тебя и за твои желания[53]: письмо твое доставило мне несравненное удовольствие — как будто бы исполнилось уже все то, чего ты мне пожелала; письмо твое я получила в самый день моего рождения поутру. Только что прочла его, только что стала думать о тебе и благословлять промысл, соединивший меня с тобою узами дружбы, как вошел Б. Б. — другой человек, который... который близок к моему сердцу.

— Поздравляю вас, сударыня, с днем вашего рождения, — сказал он дрожащим голосом. — Желаю, чтоб вся жизнь ваша была так светла, как душа ваша, чтоб ваше счастье ничем не возмущалось. (На глазах его написано было, что он не льстил мне и говорил от чистого сердца.) Примите от меня в знак благодарности за все ласки, за все те минуты, которые я провел с вами и которые были для меня

святыми наслаждениями, примите от меня сей труд мой. Пусть будет для вас знаком памяти.

— Он навсегда, навсегда будет для меня знаком вашей дружбы, — отвечала я ему, — знаком дружбы, которую я умею чувствовать. Очень рада, что могла принести вам какое-нибудь удовольствие. Я только что уплачивала вам. Благодарю вас искренно.

Я взяла тетрадь, развернула — что же это было такое? Перевод Шиллерова Валленштейна, о котором мы с ним говорили недавно. — Ах, как он мил, как добр! Я была рада без памяти и не переставала благодарить его. Тут вошел дядюшка. — Я оставила их и побежала в беседку. Там прочла всю трагедию. Как я плакала, Катенька! Слезы в три ручья лились из глаз моих, и между тем было весело, как на небе. Я задумалась, и опомнилась только тогда, как дядюшка прислал мне сказать, что должна принимать гостей. — Молодой человек, о котором я писала к тебе, был уже там. С неприятным, даже горьким чувством я увидела его. — Б. Б. был рассеян. За столом мне надобно было занимать гостей, и

я не говорила с ним. После обеда в саду поблагодарила его еще раз. Дядюшке вздумалось показать гостям мою беседку. Он велел мне отпереть ее. Я вспомнила, что тетрадь осталась на столе развернутая на том месте, где я поутру, прочитав трагедию, в восторге излила свои чувства в нескольких строках. Мне не хотелось, чтоб их увидели; но делать было нечего. Я отперла дверь и успела, однако ж, спрятать ее под ноты, так что никто не видал, кроме Б. Б., который притворился не приметившим ничего. — Он ушел рано домой, обещавшись... Меня зовут к дядюшке, подожди немного...

Друг мой! я насилу держу перо, не помню себя. — Что сказал мне дядюшка, что сказал? — Полковник сделал ему решительное предложение о своем сыне. — Он спрашивал моего мнения. Я трепетала, слушая его, плакала и молчала. Дядюшка, увидев мое смущение, сказал мне: «Чего же ты испугалася? Я даю тебе время на размышление. Обдумай хорошенько: и я надеюсь получить от тебя ответ благоприятный». Я поцеловала его в силь-

ном движении и убежала.

Боже мой! Я не хочу замуж... Я никогда еще не имела этой мысли... Мне так хорошо теперь... Я не знаю этого молодого человека — и жить с ним всю жизнь!.. Дядюшка любит меня; он не захочет видеть меня в несчастьи. Но я так привыкла слушаться его, что вопрос его показался мне приказанием, а приказание — исполнением. — А если захочет он приказать мне? Он так тверд в своих намерениях! Притом, я не знаю, в каких он отношениях к полковнику. — Его не послушаться, огорчить!.. Ах, как тяжело мне! — Друг мой! Научи меня, ободрь меня. Никогда не имела я в тебе такой нужды, как теперь.

ПИСЬМО XVII

К Луизе от ее подруги.

Теперь я скажу тебе в свою очередь, Луиза, что ты с ума сошла. — Об чем ты растосковалась? — Я с нетерпением ждала такого случая, который послужит прекрасною развязкою для вашей пиесы. — Ты влюблена в Б. Б. Это верно. Спроси самое себя — до сих пор ты боялась сделать это — и ты получишь в ответ *да* так же скоро, как твой дядюшка получит *нет*. — Б. Б. влюблен в тебя. Это еще вернее: говорить так, как он говорит с тобою, не могут не влюбленные. Вы друг друга стоите, и у вас дело теперь за объяснением. Оно скоро будет и, думаю, будет прежде, нежели получишь ты письмо мое. — У тебя голова болит, пишешь ты, на другой или на третий день заболит еще больше. Это очень натурально. Ты не выйдешь в гостиную, когда в воскресенье явится к вам Б. Б с своими приятными надеждами. Дядюшка твой будет говорить с ним рассеянно. Это поразит его тем больше, что не мудрено понять, что это значит. Страх откоро-

ет ему глаза, и глуп он будет, чего я никак не думаю, если не воспользуется таким прекрасным случаем снять тяжкое слово и с своей груди, и с твоей. Он скажет его и себе, и тебе; и глупа ты будешь, чего я также не надеюсь, если тотчас не подашь ему свою руку. — С каким восхищением поцелует он ее! — Вот первая развязка. Теперь о второй. Она зависит частью от дяди, и здесь я не могу сказать ничего решительного; вы должны подумать об ней уже вместе и распорядиться так, чтоб она была удачна.

Луиза! признайся, что я не пророчица, а отгадчица не последняя. — Уведомляй меня обо всем.

ПИСЬМО XVIII

От Б. Б. к С. С.

Я в сомнении, Всеволод! в таком сомнении. Я в котором сердце у меня тлится. Вообрази себе: с душою, готовою к наслаждениям, собираюсь я в Сокольники как в рай. Что же? Прихожу, Луизы нет. Она, говорят, занемогла. Дядя не беспокоится об ее болезни, а между тем неприветлив, даже холоден. Я начинаю речь и о том, и о другом, и о третьем. Он приметно думает о постороннем. Я должен был уйти, не узнав ничего обстоятельного. Прихожу на другой день. То же и так же. Луиза все еще больна, показалась на минуту, и то как будто совестясь, с печальным, грустным лицом. — Я догадываюсь... Неужели догадка моя справедлива? Решаюсь писать к ней.

ПИСЬМО XIX

От Б. Б к Луизе Винтер.

Я пишу к вам, сударыня — извините ли вы мою дерзость? — Одно только живое участие во всем, что до вас касается, может служить мне оправданием в оной.

У вас есть какая-то горесть, которую вы называете болезнью. Она видна была вчера на глазах ваших, и, что еще вернее, я чувствую и моим сердцем. — Могу ли я узнать, что ее производит? Ах, если б было в моей власти удалить, ослабить все вам противное, все, что может огорчить вас на минуту! С каким приятным удовольствием пожертвовал бы я для вас трудом, временем, жизнью, счастьем! Я не смею спрашивать вашего дядюшку. Вы будете доверчивее ко мне, я надеюсь.

Еще раз прошу у вас прощения в моей дерзости; завтра я буду у вас, и ваше явление послужит мне знаком оного. Простите, сударыни, и будьте уверены, что я страдаю более, хотя и не знаю причины вашего страдания.

ПИСЬМО ХХ

От Луизы к Б. Б.

Благодарю вас за ваше участие. Ныне мне
лучше, и я с удовольствием увижу вас: вы
принесете мне здоровья и утешения.

ПИСЬМО ХХІ

От Б. Б. к С. С.

Счастлив, я счастлив, Всеволод! — Так вот что такое счастье! Я понял теперь это слово и вижу, что прежде оно было для меня звуком порожним. Она меня любит, она любит меня. Слышишь ли? Этот ангел — Луиза! любит меня. Она сама сейчас сказала мне это. Я услышал, почувствовал слова ее.

Ах, какой поцелуй напечатлел я на устах ее! вся жизнь моя, прошедшая и настоящая, и будущая собралась в этом поцелуе. — Какая же живая, большая жизнь! Не это ли вечность? — Бог мой! Бог мой! Благодарю тебя. Я могу умереть теперь... что мне узнавать еще на земле? — Ich habe gelebt und geliebt[54].

Чрез несколько часов.

Вот как случилось это открытие: со страхом и трепетом пошел я в Сокольники после отправления письма к ней, с которого ты имеешь копию. — Г-на Винтера, к счастью, не было дома. Выходит Луиза. Нельзя, нельзя

описать того смущения, которое было начертано на лицах наших. Я поклонился, она также. Мы сказали друг другу несколько несвязных слов и замолчали. Я не мог произнести ни одного звука, и между тем, как хотелось мне говорить! Слова копились у меня на языке, теснились, и ни одно не могло выговориться. «Вам лучше, Луиза? — сказал я наконец, собравшись с духом, — совсем лучше? Ах, не скрывайте от меня ничего! умоляю вас». Она залилась слезами. «Дядюшка предлагает...» — «Вы хотите...?» — Она взглянула на меня... «Луиза! Луиза! я обожаю вас. Жизнь и смерть, больше — мое счастье и несчастье зависят от вас. Хотите ли быть моею?» — «Я ваша», — сказала она после некоторого колебания и бросилась с мои объятия. — Ах, Всеволод!.. Как может человек чувствовать столько? Неужели это было минутою в моей жизни?

Я иду к ней опять... мы уговоримся теперь.

По возвращении.

Я был у нее. Друг мой! друг мой! восторг сделался текущей моею жизнью. Чудное тво-

рится со мною. Силы небесные! неужели я человек? Мне кажется, что я всю природу собрал в мою душу, что я сам сделался всею природою.

Завтра Луиза скажет решительный ответ своему дяде. Я поеду просить руки ее... Друг! помолись об нас в десятом часу.

Здесь прекратилась рукопись, полученная мною от моего приятеля. Остальных писем я не нашел в оной — по крайней мере я не отчаиваюсь еще в успехе найти их где-нибудь, если только они существуют, и в свое время сообщу их своим читательницам и читателям. Между тем мне не хотелось оставить их и теперь в совершенной неизвестности о судьбе наших героев, и я, за недостатком сведений положительных, решился прибегнуть пока к преданию. Успех соответствовал моему ожиданию отчасти: я узнал многое, но, к сожалению, не могу ручаться за истину узнанного, потому что слухи в некоторых обстоятельствах противоречат себе взаимно. — Вот главное: одни говорят, что г-н Винтер по каким-то странным обетам, связывавшим его

с полковником, и еще почему-то отказал сначала Б., и сей последний после многих уже приключений, разлук, смертей, поединков, пожаров и наводнений получил руку его племянницы. Другие, напротив, говорят, что г. Винтер тотчас согласился на предложение Б., а вопросом своим Луизе о сыне полковника хотел только наказать ее за недоверчивость и предускорить объяснение между любовниками. — Как бы то ни было — верно то, что Б. женился на Луизе (а Катенька вышла за Сенеку), и в скором времени (вот причина различных слухов) вместе с нареченным своим тестем оставил Москву. — Б. не искал ни честей, ни отличий, как все утверждают единогласно, не любил кланяться, толкаться в передних, пресмыкаться по гостиным, шаркать по залам и избрал себе местопребыванием какой-то уездный город, где в последствии времени был избран смотрителем уездного училища. Там он разливает теперь около себя благой свет просвещения, и на лоне природы, в мире с богом, людьми и совестью, в обществе великих писателей, занимается любопытством и вкушает счастье семейственной

жизни вместе с любезною своею подругою. —
Позавидуйте ему, читатели!

Примечания

Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826) —
государственный деятель, с 1812 по 1814 г. —
московский генерал-губернатор.

[^^^]

2

Катон — имя римского писателя и государственного деятеля Марка Порция Катона (234–149 до н. э.) употреблялось нарицательно, обозначая презрение к жизненным радостям.

[^^^]

3

Геба — в греческой мифологии богиня вечной юности.

[^^^]

...о брандерах канариевых — Брандер — судно, предназначенное для сожжения неприятельского флота. К. Канарис (Канари) (ок. 1790–1877) — участник греческой войны за независимость (1821–1829), прославился уничтожением турецких кораблей в 1822–1824 гг.

[^^^]

5

Боцарис Маркос (1790–1823) — герой греческой войны за независимость.

[^^^]

6

Боливар Симон (1783–1830) — в 1810–1820-е гг. руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Америке.

[^^^]

Руссо еще сказал <...> что добро есть красота в действии — слова из романа Руссо «Новая Элоиза».

[^^^]

Гроновий И.-Ф. (1611–1671), его сын Гроновий Я. (1645–1716) и Эрнести И.-А. (1707–1781) — немецкие филологи-классики. Бурманн П. старший (1668–1741) и Бурманн П. младший (1713–1778) — голландские филологи-классики.

[^^^]

Смольный монастырь — Смольный институт
благородных девиц в Петербурге.

[^^^]

...и за Томсона, и за Делиля, и за Раича. — По-видимому, речь идет о популярных у русского читателя описательных поэмах: «Времена года» Д. Томсона (1700–1748), «Сады» Ж. Делиля (1738–1813) и «Георгики» Вергилия в переводе С. Е. Раича (1792–1855).

[^^^]

Все прискучится, как не с кем молвить слова — цитата из басни И. А. Крылова «Пустынный и медведь» (1808).

[^^^]

Журнал — здесь: дневник.

[^^^]

...изображение Коринны с славной картины Жераровой! — «Коринна на Мисенском мысу» — картина французского художника Ф.-П.-С. Жерара (1779–1837).

[^^^]

Все утвари простые *и далее* — строки из послания К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1814).

[^^^]

Кто совершил достаточно блага для своего времени, тот жил для всех времен (нем.) — слова из «Пролога» к драматической поэме Ф. Шиллера «Валленштейн» (1800).

[^^^]

...как у Камоэнса бурный дух мыса Доброй Надежды Васку де Гамо! — имеется в виду эпизод из эпической поэмы португальского поэта Возрождения Л. ди Камоэнса (1524/1525–1580) «Лузиады» (1572).

[^^^]

...в судилище преторском. — Претор — наделенный судебной властью член императорской и республиканской магистратуры в Древнем Риме.

[^^^]

Август Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император.

[^^^]

...та красота, которую звал на землю Платон для привлечения смертных на путь добродетели! — имеется в виду учение о красоте, изложенное Платоном в диалогах «Пир» и «Федр».

[^^^]

Юлия — имеется в виду героиня «Новой Элоизы» Руссо.

[^^^]

Тезей — герой греческих мифов, возлюбленный критской царевны Ариадны, друг царя лапифов Пиритоя.

[^^^]

Тацит Публий Корнелий (ок. 58 — после 117) — римский историк.

[^^^]

Мюллер И. (1752–1809) — швейцарский историк.

[^^^]

милый друг мой (фр.).

[^^^]

Вертер и Шарлотта — герои романа в письмах «Страдания юного Вертера» И.-В. Гете (1774).

[^^^]

со всеми нами (фр.).

[^^^]

Минута всему повелитель, говорит Шиллер — неточная цитата из баллады Шиллера «Граф Гапсбургский» в переводе Жуковского (1818) («Минута ему повелитель»).

[^^^]

Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — имя этого римского философа и писателя, утверждающего идеал мудреца, преодолевшего людские страсти, употреблялось нарицательно.

[^^^]

Жомини Генрих (1779–1869) и австрийский эрцгерцог Карл-Людвиг Иоганн (1771–1847) — известные военные теоретики и историки.

[^^^]

...книга Давыдова о партизанском действии — «Опыт теории партизанского действия» (1821) героя войны 1812 г., поэта Д. В. Давыдова (1784–1839).

[^^^]

...изобретение <...> паровых ружей и пушек —
сделано английским физиком-изобретателем
Дж. Перкинсом (1766–1849) в 1824 г.

[^^^]

Ариосто Лодовико (1474–1533) — итальянский поэт.

[^^^]

История Макиавеля — «История Флоренции» (1532) Н. Макиавелли (1469–1527), итальянского писателя, историка, политического деятеля.

[^^^]

Наполеон сказал, что сердце мужчины должно быть в голове его. — У Наполеона: «сердце государственного человека». Эти слова приведены Лас-Казом в его книге «Воспоминания о Святой Елене» (1822–1823).

[^^^]

«Коринна, или Италия» (1807, в рус. пер. — 1809–1810) — роман французской писательницы Жермены де Сталь (1766–1817).

[^^^]

...читали мы у Карамзина *и далее* — см. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (1791–1795), письмо от 11 августа (из Цюриха). Лафатер Иоганн Каспар (1741–1801) — швейцарский ученый, физиогномист. Пытался установить связь между духовным обликом человека и строением и очертанием его черепа и лица.

[^^^]

Это произвело во мне какое-то потрясение
(нем.).

[^^^]

Мерзляков Алексей Федорович (1778–1830) — русский поэт, переводчик, критик, теоретик литературы, профессор Московского университета, учитель Погодина.

[^^^]

«Мария» Карла Дольче — картина итальянского художника К. Дольчи (1616–1686).

[^^^]

Филарет (в миру — В. М. Дроздов, 1783–1867) — митрополит московский.

[^^^]

Буди мне по глаголу твоему — слова девы Марии из Евангелия от Луки (I.38).

[^^^]

...песни Маруси из «Козака Стихотворца»... — «Козак-стихотворец» — водевиль А. А. Шаховского (1777–1846), русского писателя, театрального деятеля. События «Козака-стихотворца» связаны с Полтавской битвой.

[^^^]

Климовский С. — украинский казак, историческое лицо, герой «Козака-стихотворца».

[^^^]

«Минерва» (1587) — труд испанского гуманиста и филолога Ф. Санкциуса (1523–1601).

[^^^]

...Байрон говорит к Шильонскому узнику, что только в глубине темницы, с цепью на руке вполне чувствуется свобода... — свободный пересказ строк из «Сонета к Шильону» Байрона (1816).

[^^^]

...отрывки из «Цыган» Пушкина — отрывки из поэмы Пушкина «Цыганы» печатались в «Полярной звезде» на 1825 г., в «Московском телеграфе», 1825, № XXI и в «Северных цветах» на 1826 г.

[^^^]

«Вадим» — вторая часть стихотворной повести В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1817). Следующий далее разговор о «звонке» имеет в виду символический мотив из этой поэмы.

[^^^]

...имя Лауры, Элизы Драпер, Фанни, мисс Чаворт, Элеоноры <...> имена Петрарки, Стерна, Клопштока, Байрона, Тасса — имеются в виду возлюбленные и адресаты произведений называемых вслед за ними писателей и поэтов.

[^^^]

по обязанности (лат.).

[^^^]

«Валленштейн» (1800) — трагедия Шиллера.
Макс и Текла — ее герои, влюбленные друг в друга.

[^^^]

Умри, Цезарь! (фр.)

[^^^]

Геерен А.-Г.-Л. (1760–1842) — немецкий историк.

[^^^]

Письма этого не нашлось, равно как двух или трех писем Луизы пред сим.

[^^^]

Я жил и любил (нем.).

[^^^]